

Станислав Востоков

СОБАКА

Мы с дедом Иваном стояли на поле и смотрели, как на деревню со стороны Москвы наваливается огромная черная туча. Она не летела над землей, а тяжело ползла по ней, пожирая деревья и вышки электропередачи.

— Собака! — сказал дед Иван.

Туча и правда была похожа на огромную черную собаку с широко расставленными мохнатыми ушами. У нее был даже хвост — над тучей крутился вихрь, которым собака раскачивала провода и ломала сухие ветви.

Собака ступила на поле одной лапой, другой, и к нам потянулась огромная безглазая морда. Деревенские псы разом завyli, будто стоворившись.

— Пойдем отсюда, — сказал дед Иван.

То и дело оглядываясь, мы перешли по мостику оврага и заторопились по деревенским улицам к дому деда. Собаки, только что страшно вывшие, также разом замолчали, попрятавшись в конуры и сараи.

В сени мы почти вбежали. Не зажигая света, дед Иван включил плиту под чайником, мы сели за маленький кухонный столик и стали смотреть в окно.

Яблоня за ним с минуту не двигалась, потом вдруг склонилась дугой, в один миг потеряв чуть не все листья. Окно стало быстро темнеть, и вот уже ничего не видно, кроме какой-то живой мути — что-то там отрывалось, летало, падало. В темноте раздался чудовищный вой, что-то затрещало и рухнуло на огород.

Я посмотрел на деда Ивана. Были видны только его глаза, освещенные голубым газом. Не знаю, как деду — он и войну видел, и голод пережил, — а мне было жутко.

— Мы в животе у собаки, — сказал он тихо, — в самой середке.

Казалось, что мир за окном разлетелся в щепки, сломанный собакой, и теперь существуем только мы: дед Иван да я. Минут через десять прямоугольник окна начал светлеть, и сквозь изломанную, похожую на детские каракули яблоню мы увидели, что поперек огорода лежит фонарный столб.

— Пойдем-ка, — сказал дед Иван.

Оглядываясь, мы вышли на крыльцо. Разметав заборы и погнув крыши, черная собака уползала в сторону Звенигорода. Она пересекла шоссе, где остановились машины, и, ломая деревья, ушла в лес. Над

ним еще какое-то время крутился гигантский черный хвост, широко раскидывая сучья.

Вокруг, теперь уже вразнобой, затыкали вылезшие на свет собаки.

— Знаешь, что я думаю? — сказал дед Иван. — Вот есть всякие ученые, академики разные, а что это за собака, они не скажут. — Он помолчал, глядя на изломанный лес. — И никто не скажет.

Так мы до сих пор и не знаем, что же такое это было.

ПЕЧНОЙ ВОЛК

Было это лет десять назад. Пришла ко мне бабка Марина.

— Возьми, — говорит, — к себе мою Рыжку.

Рыжка — это собака.

— Зачем? — удивился я.

— Помру скоро, — вздохнула бабка Марина.

Я внимательно посмотрел на бабку. Щеки у нее круглые, розовые. Глаза ясные.

— С чего вы взяли?

— Рыжка третью ночь напролет воеет. Я бы, может, с глухотой своей и не услышала, кабы собака на дворе была. Но я ведь на ночь ее домой загоняю. Ночи

теперь холодные, а на Рыжке шерсти на носок не наберется. И как начнет выть, у меня со страху вся кожа в пупырях! Возьмешь собаку?

— Ерунда, — сказал я. — Не похожи вы на больную.

— Ты по виду не суди! Помнишь бабку Люду? У нее тоже собака вот так выла. А через три года бабка возьми и помри!

Я почесал затылок. Одна собака у меня уже была, и вторую брать не хотелось.

— Я к вам вечером приду. Послушаем Рыжку.

Бабка вздохнула.

— Ладно, приходи, как стемнеет.

Когда стало смеркаться, я надел куртку, ботинки и пошел к бабке Марине.

На улице было неприятно. Сверху сеял холодный мелкий дождь, под ногами чавкала развороченная машинами земля. Фонари болтали темными, железными головами. Видно, где-то порвало линию. Это у нас часто бывает в непогоду: рвутся старые провода.

Глаз луны то проблескивал в разрывах туч, то исчезал. Казалось, что луна мне подмигивает.

«Чего она мигает? — думал я. — На земле вон чего творится, а ей весело!»

Наконец добрал до бабки Марины, нащупал на калитке щеколду, вошел во двор. У крыльца кое-как

обтер ботинки прелыми листьями и постучал. Бабка Марина завела меня в маленькую кухню. У печки на тряпке уже спала коротконогая Рыжка.

Бабка Марина налила мне чаю в потемневшую от времени кружку и хотела присесть рядом.

— Вы идите спать. А я покараулю вашу собаченцию.

Сначала бабка не соглашалась — как так, в доме гость, а она спать будет! Но в конце концов уговорил я ее. Бабка Марина ушла в спальню, а я остался с Рыжкой.

Собака спит, ушами лопухими поводит, лапы дергаются — видно, Рыжка во сне кого-то ловит. Я привалился спиной к теплой печке. Настырная луна продолжала подмигивать в голубое окно. На улице поднялся ветер. Листья, наверное со старого дуба, мягко бились в окно, словно ночные бабочки. В печке что-то стало потихоньку подвывать, будто туда залез волчонок. И чем сильнее становился ветер, тем больше казался этот печной волк. Я стал задремывать под высокий, тягучий звук.

Вдруг рядом будто включили циркулярную пилу: «У-у-у!»

Я вскочил со стула. Передо мной сидела Рыжка и выла. С чувством выла, старалась. На несколько секунд замолчала, прислушиваясь к «печному волку»,

и опять: «У-у-у!» И странно: по отдельности шум ветра и вой собаки вполне можно терпеть. Но вместе получается что-то жуткое!

Встал я и закрыл дымоход вьюшкой. Шум в печке стал тише. Рыжка успокоилась. Правда, поглядела на меня обиженно. Будто я ей вместе с дымоходом все удовольствие перекрыл.

— Обойдешься, — сказал я. — Завтра на дворе повоешь. Хозяйка из-за тебя четвертую ночь не спит!

Рыжка повернулась ко мне задней частью и снова легла, уткнувшись в стену.

— А мне все равно, что ты обо мне думаешь! — сказал я и пошел домой.

Было это, как я говорил, лет десять назад. А баба Марина до сих пор живет. И Рыжка тоже.